

М.А. Дикова (Кирьяк)
СВКНИИ ДВО РАН

ЭТЮДЫ ОБ УЧЕНЫХ

«ЖЕЛЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА» (К 70-летию со дня рождения Т.М. Диковой)

Мое знакомство с практической археологией состоялось благодаря Тамаре Митрофановне Диковой. Произошло это в 1974 г. летом на раскопках стоянки Сибердик в зоне затопления будущей Колымской ГЭС.

В то время я вела краеведческие кружки в школе № 7. На одно из совещаний историков при директоре (руководила школой Т.Ф. Леонтьева, супруга этнографа и писателя В.В. Леонтьева) были приглашены Н.Н. и Т.М. Диковы. После совещания Тамара Митрофановна предложила мне поучаствовать с группой школьников в археологической экспедиции на Колыме. Я с радостью согласилась.

Помню и волнительные сборы, и километры Колымской трассы, которые, как нам казалось, промелькнули довольно быстро (а хотелось ехать и ехать). Все было внове: причудливые сопки по обочинам, сама зовущая куда-то дорога и ожидание загадочной неизвестности. Полевой лагерь с большой группой студентов педагогического института жил уже привычной палаточной жизнью, а с приездом Тамары Митрофановны, словно по мановению дирижерской палочки, пришел в движение: кто-то помогал нам устанавливать палатки, кто-то готовил ужин, и вскоре все встало на свои места.

Запомнилось и утро моего первого экспедиционного дня. Все участники, а их было больше 30, построились на линейку (в том ряду стояли и будущие ученики Н.Н. Дикова – А.И. Лебединцев, А.К. Пономаренко, А.А. Орехов). На флагштоке реял флаг с археологической символикой. Тамара Митрофановна обратилась к нам с напутственной речью...

Дни, проведенные в сибердиковском лагере, думаю, у всех остались памятной вехой. Они были насыщены не только интенсивной работой, приносящей радость находок, но и интересным досугом (конкурсами, играми, вылазками в лес за грибами). Наполняла содержанием и задавала ритм нашей полевой жизни мудрая и чуткая Т.М. Дикова.

***

Тамара Митрофановна родилась 12 июня 1933 г. в деревне Ма-

Тамара Митрофановна Дикова
(60-е гг.)

зурена Усыятского района Калининской области в семье лесничего Парголовского леспромхоза. В 1945 г. отец ушел из семьи, оставив на руках жены, Марфы Васильевны, двоих дочерей.

В 1943 г. Тамара поступила в начальную школу, а в 1946 г. была переведена в семилетнюю, которую окончила в 1949 г. Не имея материальной возможности учиться дальше, она пошла работать ткачихой на ткацкую фабрику комбината «Красный Маяк» в Ленинграде.

В 1950 г. Тамара сдала успешно экзамены в Ленинградское городское дошкольное педагогическое училище, которое окончила в 1953 г., и получила специальность воспитателя детского сада.

Проработав один год на ниве воспитания дошколят, Тамара избирает другую ниву – целинную: в апреле 1954 г. уезжает в Казахстан.

Мои сверстники помнят эту шумную кампанию по поднятию и освоению целинных земель, возведенную «нашим дорогим Никитой Сергеевичем» во всесоюзное сельскохозяйственное шоу. Из окон поездов, уносящих молодежь в казахские степи, по всей стране разносились ветром слова песни «едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и ты и я». Жизнь на новоселье заставляла корректировать песню, и «новоселов» переделывали в «невеселых». Не обошло это, вероятно, и Тамару. Оказавшись во вновь организованном зерносовхозе «Украинский» (Пресновский район Северо-Казахстанской области), она не нашла работы по специальности и вынуждена была идти в тракторную бригаду прицепщицей. Через 5 месяцев ее направили в Новорыбинскую семилетнюю школу Пресновского района, где она, проработав год учительницей биологии и физкультуры в 5–7-х классах,

Сибердиковский отряд на линейке (1974 г.)

Камчатка. Стоянка Явино (1977 г.)

принимает решение вернуться в Ленинград.

С сентября 1955 г. еще пять лет проработает она воспитателем в детском саду, понимая, что способна на большее и призвание ее в чем-то другом.

В 1958 г. Тамара поступает в Ленинградский государственный университет на исторический факультет со специализацией по кафедре археологии, совмещая заочное обучение с работой.

С первого курса занятий в университете, занимаясь при кафедре археологии по индивидуальному плану, она выезжает летом в археологические экспедиции. В 1959 г.

участвует в раскопках стоянки Улан-Хада на Байкале, в 1960 и 1961 гг. – в раскопках могильников карасукской и афанасьевской культур на Енисее.

Руководитель этих экспедиций, известный сибиревед, профессор М.П. Грязнов характеризовал Тамару Митрофановну как усердного, трудолюбивого, преданного делу сотрудника, внимательно и ответственно выполняющего данные ей поручения.

С первого же года работ в экспедиции ей было поручено ведение всех видов первичной обработки получаемого в раскопках археологического вещевого материала – учет, описи, очистка, шифровка, упа-

торией археологии, истории, этнографии. Он подыскивал толкового и опытного лаборанта. Внештатный старший лаборант Ленинградского отделения ИА в лице очаровательной Тамары подходил ему по всем статьям. Не подозревая о том, что М.П. Грязнов со своей стороны прочил ее в невестки, Николай Николаевич сделал ей предложение «руки и сердца» и попросил с ответом поторопиться, потому что «через 3 дня должен быть в Магадане». На раздумья Тамаре отпускаясь только одна ночь. В 9 часов утра в лаборатории раздался звонок. Она с бьющимся сердцем подняла трубку и затаила дыхание, не зная еще, что через минуту ответит «Да».

Раскопки стоянки Авача. На переднем плане: Т.М. Дикова, М.А. Кирьяк (1977 г.)

Т.М. Дикова в экспедиции со своим четвероногим другом Зимкой. Камчатка, пос. Озерновский, 1977 г.

ковка, с чем она успешно справлялась, выступая часто в роли руководителя этих работ в большом экспедиционном отряде, имея в своем распоряжении всего двух-трех помощников.

В течение трех зимних периодов в качестве старшего лаборанта она проводила камеральную обработку экспедиционных коллекций. На ее долю выпадали наиболее сложные и ответственные операции. Она хорошо освоила различные виды реставрации археологических материалов (в частности, научилась очень искусно реставрировать керамику).

Именно за таким занятием – реставрацией керамики – увидел ее впервые в 1962 г. приехавший из Магадана и овеянный легендами (в бытность его на Чукотке) Николай Диков, заведующий только что созданной в СВКНИИ ДВНЦ лабора-

А спустя час, к подъезду подкаатило такси, и на глазах у изумленного М.П. Грязнова Н.Н. Диков увез Тамару Митрофановну в ЗАГС. Как складывались дальнейшие отношения в этом треугольнике, история умалчивает. Николай Николаевич эпизод «умыкания невесты» в рассказах обходил, но при упоминании имени М.П. Грязнова хмыкал и посмеивался в усы.

Так в мае 1962 г. в коллектив лаборатории археологии, истории, этнографии СВКНИИ влился новый человек – Тамара Митрофановна Дикова, проработавшая бессменным лаборантом у Николая Николаевича 9 лет (в 1968 г., наконец, была завершена учеба в университете); в мае 1971 г. она была переведена на должность м.н.с, в которой и пребывала до 1981 г. (до своей кончины).

В камералке (1980 г.)

Возможно, эти хронологические подробности из ее жизни можно было бы опустить, но они характеризуют самого Н.Н. Дикова (и как человека, и как заведующего лабораторией), подчеркивая его деликатную щепетильность, что проявлялось во всех жизненных ситуациях. Много позже, когда судьба соединила нас, он в течение года просил не разглашать это обстоятельство, не желая вызвать подозрение у окружающих в том, что «проталкивает» меня в науку (я выходила на защиту кандидатской диссертации), хотя предзащита состоялась задолго до этого «семейного» события.

Согласно лабораторной научной программе Т.М. Диковой была определена тема «Археология Южной Камчатки в связи с проблемой обитания там айнов», позже усложненная и обозначенная как «Древние культуры Южной Камчатки и их роль в истории Дальнего Востока».

Работая над самостоятельной темой, Тамара Митрофановна являлась одновременно и организатором, а зачастую и участником экспедиций Николая Николаевича. В 1962 г. вместе с ним на бате она прошла р. Камчатка, а осенью на лодке р. Пенжина; в 1965 г. раскапывала древнеэскимосский Чинийский могильник на берегу сурового Берингова пролива. Три сезона (1971, 1973, 1974) она провела на раскопках палеолитической стоянки Сибердик на Колыме. В течение пяти лет на нее были возложены и трудоемкие раскопки ушковских палеолитических стоянок на Камчатке (1962, 1964, 1971, 1976, 1980).

Наряду с этим в 1972, 1973, 1975, 1977 и 1979 г. она со своим

отрядом летом отправлялась на юг Камчатки, обследуя труднодоступные районы, куда приходилось добираться иногда на военных кораблях (м. Лопатка), иногда вездеходом (Явино, Налычево, Курильское озеро). Мне довелось в 1977 г. с небольшой группой школьников работать в ее отряде на Аваче (под Петропавловском). Именно тогда состоялось наше более близкое знакомство. Со мной она отправила в Магадан и 14-летнего сына Никиту, оставаясь продолжать полевые работы на Камчатке.

Тщательные раскопки многослойной стоянки Авача, проведенные Тамарой Митрофановной, сделали этот хорошо стратифицированный памятник опорным и эталон-

ным, удачно восполняющим, как писал Н.Н. Диков, «значительную часть пробела между слоями IV и V Ушковских стоянок».

Благодаря настойчивости, выносливости и целеустремленности ею были собраны на Камчатке обильные материалы разных периодов – от открытого впервые палеолита до средневековья. Оценку этим исследованиям дал Н.Н. Диков: «Эти археологические источники были во многом неожиданными, интересными и очень информативными, проливающими новый и вполне определенный свет на поставленную перед ней сложную проблему этнической принадлежности древних обитателей «Курильской земли»».

Археологическая характеристика Южной Камчатки и определение ее места в развитии древних культур Северо-Востока Азии даны ею в докладе «Взаимосвязи между южнокамчатским и американским палеолитом», с которым она выступила на XIV Международном Тихоокеанском конгрессе.

Т.М. Диковой опубликовано при жизни более 20 работ.

Интереснейшей из них, на мой взгляд, является статья о лабретках, изданная в 1980 г. в сборнике новейших материалов по археологии Севера Дальнего Востока (изд-во СВКНИИ ДВНЦ АН СССР), которая затем в качестве «Приложения» была помещена в монографию Т.М. Диковой, вышед-

Прощальное фото (перед дорогой в аэропорт) 1981г. Слева направо: Никита Диков, М.А. Кирьяк, Т.М. Дикова, Г.К. Бубнис, С.П. Нефедова, А.И. Афицкий

шую два года спустя после ее смерти.

Она не только описала эти уникальные и во многом загадочные до настоящего времени костяные и каменные предметы, собранные в результате археологического исследования территории Южной Камчатки (27 экз.), но и попыталась выяснить зависимость формы лабреток от способа и места их ношения, классифицировала их, выделив 4 группы этих лицевых (а не только нагубных, как полагали до нее) украшений. Разнообразие наблюдаемых форм лабреток она объясняла их семантикой: по ее мнению, они представляли собой «племенные или родовые знаки, как, например, татуировка у африканских племен и индейских племен Америки, а также у народностей Северо-Востока Азии». Тамара Митрофановна проследила хронологию этих интереснейших артефактов, убедительно доказав, что «обычай носить лабретки существовал с древнейших времен у племен предков ительменов, представителей стабильной, неизменной из тысячелетия в тысячелетие так называемой тарьинской культуры».

Я выделяю эту статью из всего написанного Т.М. Диковой не только потому, что вижу в ней «изюминку» на фоне ее очень интересных и основательных работ, а еще и потому, что она актуальна и теперь, но, к сожалению, осталась незамеченной.

Считаю необходимым привлечь внимание уважаемого читателя к интереснейшей статье Р.С.Васильевского «Лабретки в культурах северотихоокеанского региона», опубликованной в журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» № 2 за 2002 г., и поучаствовать в дискуссии.

Руслан Сергеевич обстоятельно, с глубоким знанием предмета дает характеристику лабреток, полученных на Алеутских и Курильских островах, на юго-западной и северной Аляске, на Хоккайдо; но Камчатка, как мы видим, находящаяся в этом же географическом регионе, из поля зрения исследователя выпадает. Изучая (на основе американских источников) хронологическую глубину появления лабреточных украшений, он приходит к выводу, что обычай носить лабретки существовал у палеоалеутов уже около 4 тыс. л. н., считая это наиболее ранним на сегодня временем «появления

8 марта 1981 г. Слева направо: Т.М. Дикова, Н.Н. Диков, А.К. Пономаренко

лабреток в северной части Тихоокеанского побережья».

В статье Т.М. Диковой описывается более древний материал: лабретка с м. Лопатка имеет возраст 4380 ± 70 (МАГ-312) и 4210 ± 135 (МАГ-317) л.н. Разница с абсолютным возрастом лабретоносных слов стоянки Чалука ($1724 \pm 55 - 1198 \pm 50$ л. до н.э.), на которую ссылается Руслан Сергеевич, довольно ощутима (от 600 до 1000 лет в пользу камчатских – «палеоазиатских» -древностей). Лабретки, найденные Т.М. Диковой на Аваче, имеют абсолютную дату 3450 ± 100 (МАГ-310) л.н., т.е. по возрасту близки к самым древним палеоалеутским находкам.

Таким образом, более древний возраст «бытования подобных украшений на северо-востоке Азии», вопреки мнению Р.С. Васильевского, **имеет** свое обоснование. По поводу ушковских «лабретовидных изделий» я согласна с ним («похожи на лабретки, но не тождественны им»), полагаю, что они могут быть имитацией лабреток, предназначенных, возможно, для пришивания (к маскам?). В последних своих работах 1993а, 1993б Н.Н. Диков соотносил ушковскую этническую общность, отмеченную культурными остатками VI слоя («лабретовидными изделиями»), **не с эскоалеутами**, на чем делает акцент Р.С. Васильевский, **а с предками атапасков** (на-дене), отказавшись (на основе

новых материалов) от первоначальной этнической интерпретации. Справедливости ради оппоненты не должны подходить избирательно к критикуемым источникам, исчерпывающее знание всего объема которых (в контексте дискуссии) само собой разумеется.

Читателя прошу извинить меня за столь обширное отступление от биографического (по замыслу) описания и невольной возникшей полемики, участвовать в которой и защитить свои позиции ушедшие из жизни коллеги уже не могут.

Затронутая в дискуссии статья Тамары Митрофановны Диковой о лабретках была последней, увидевшей свет при ее жизни.

В 1980 г., уже будучи больной, но не подозревая этого, в снежные октябрьские дни, трясясь на бульдозере рядом с водителем, она проводила расчистку огромной площади для будущих археологических работ на стоянке Ушки I. Вернувшись с Камчатки, почувствовала себя плохо – роковая болезнь подступила к последней черте.

Придя в лабораторию в начале 1980 г., я наблюдала, с какой болью и заботой относилась Тамара Митрофановна к сотруднице лаборатории У.Г. Поповой, прикованной к постели и медленно угасающей дома. С В.В. Леонтьевым они навещали ее, привозили родниковую воду. Возвращаясь в камералку, она всегда была задумчива и печальна,

а однажды сказала : «Я умру от этого же».

Помню тот день, когда после обследования врачи огласили диагноз. Она пришла возбужденная, не находила себе места и, обернувшись ко мне, сказала: «Вызвали Дикова (она часто на людях называла его по фамилии), сейчас он все узнает». Николай Николаевич не подозревал о ее недуге; она умела не ранить, не обеспокоить близких, переносила сама все удары и превратности судьбы. И даже в тот, роковой, день думала не о себе.

С трудом удалось уговорить ее лечь в больницу. Перед уходом она принесла фотографию, на которой была запечатлена вместе со своей любимицей – собакой Зимкой в один из полевых сезонов, и со словами «Пусть будет эта фотография» положила ее на мой стол. Она желала, чтобы запомнили ее не по фотографии с казенного документа на прощальном стенде, а как полевика по форме и по духу. Я часто навещала ее в больнице, стараясь выполнять ее просьбы. Помню, как всей лабораторией мы искали в магазинах ее любимые сигареты «Золотое руно», как она, забравшись в палату на подоконник, нарушая запрет, курила их.

Будучи в жизни стойким, она мужественно переносила болезнь. Предвидя скорую кончину, смирилась с мыслью о ней и говорила, что человек не вечен, рано или поздно каждый из нас уйдет из жизни. Поэтому потребовалось много усилий, чтобы уговорить ее отправиться в Ленинград, в онкологический центр, где, по просьбе Николая Николаевича, она должна была пройти обследование и дальнейшее лечение. От него приходили настойчивые телеграммы, а она с такой же настойчивостью желала остаться в Магадане. Паспорт выпросила я у нее с большим трудом, взяла билет, и мы

с Никитой проводили ее в аэропорту на ленинградский рейс.

Потом была клиника на Песочной (под Ленинградом). Будучи в командировке, я навестила ее. В коридоре было пусто, Николай Николаевич сидел на подоконнике, а Тамара Митрофановна, вальсируя и улыбаясь, закружилась мне навстречу. От нее я узнала, что через 3 дня ей назначена операция.

Провожая меня за ворота, Николай Николаевич, спросил:

«Как она Вам показалась? Как Вы думаете, есть ли надежда?» Я утешала его как могла, не потому, что в такие минуты положено утешать, а потому, что мы трое, каждый по отдельности, надеялись на чудо и верили в него. Таков был настрой и Тамары Митрофановны, ее искренняя (не напускная) улыбка, ее нехитрый, подбадривающий вальс.

А потом была операция и первые месяцы великой надежды на то самое чудо. В Магадан приходили бодрые телеграммы. Однажды Николай Николаевич появился в камералке сияющий: «Тамара Митрофановна ушла в парикмахерскую, мне ответила ее мама». Она старалась чаще бывать на воздухе, преодолевала большие расстояния, навостывая положенные археологу километры. Николай Николаевич сообщил как-то: «10 километров она еще не преодолела, но уже приближается к половине».

Так продолжалось до того момента, когда на очередном приеме к врачу (в его минутную отлучку) она прочла запись в своей больничной карте. Как рассказала ее мама, после возвращения из поликлиники, Тамара Митрофановна слегла, пищу отказалась принимать. Угасала она медленно и мучительно. За 2 дня до кончины навестила ее молодая пара. «Какие вы красивые», – улыбнулась она, поразив улыбкой мать,

которая неотлучно дежурила у ее постели.

Николая Николаевича вызвали с Камчатки (он находился на Ушковском озере), Никита приехал из гарнизона (полгода назад был призван в армию).

В последних беседах с мужем она напутствовала его, в каком платье ее кремировать, как жить ему после ее ухода. И как бы подводя итог последних месяцев своей жизни, сказала: «Теперь я поняла, почему меня называют железной женщиной. Муки, через которые прошла я, мог бы описать только Толстой».

27 октября 1981 г. ее не стало. Как ребенок рыдал у ее изголовья Николай Николаевич. В Магадан была послана телеграмма. На похороны лаборатория командировала меня. В последний путь урну с прахом Тамары Митрофановны я провожала вместе с ее родственниками. День был мрачный, ноги проваливались в снег, в голове эхом отзывались прощальные слова...

***

Будучи пытливым и любознательным человеком от природы, Т.М. Дикова являлась подлинным ученым и собирателем в самом прекрасном смысле этого понятия. От ее внимания не ускользали даже мелкие, для иного глаза неприметные, детали. Она настойчиво собирала и коллекционировала то, что ей казалось необычным или, по мнению многих, считалось спорным. Одной из первых в северо-восточно-азиатской археологии она обратила внимание на фигурные изображения из камня и пыталась расшифровать их смысл. Именно она, целеустремленная и одержимая, решительная и выносливая, явилась той путеводной звездой, которая заставила меня уже после 40 прожитых лет круто повернуть вектор моей жизни на археологию.

ПО-ПРЕЖНЕМУ АКТУАЛЬНО

Не традицией и не преемственностью поддерживалась непрерывность хода научного развития в России; она достигалась тем, что в стране постоянно возникали новые ростки научной мысли и научной деятельности, заменялись погибшие. Эти ростки всходили на неблагоприятной почве, часто гибли при самом своем зарождении, но брали своим количеством и непрерывностью появления. Процесс пошел, как стихийный природный процесс: рост научной работы поддерживался постоянным перевесом рождения над смертью.

В.И. Вернадский